

Город Тяньци. Храм Хунлу.

Изящный мужчина сидел на молитвенном коврике. Виски его тронула седина.левой рукой он спокойно перебирал буддийские четки, а правой держал рукоять полутораручного меча*. С губ его срывался шепот слов писаний.

*半手剑 — дословно «длинный меч». Переводчик выдает варианты «палаш, эспадрон», однако описание в байду и википедии явственно указывают на полутораручный меч. Чтобы разобраться и почувствовать разницу: палаш — некая смесь меча, шпаги и сабли. По сравнению с мечом у него более развитая гарда — присутствует лучшая защита руки. Заточку имеет наиболее часто одностороннюю.

Теперь полутораручный меч, или бастард. Такое специфичное название меч получил, так как не вписывался ни в семейство одноручных, ни в семейство двуручных мечей: дело все в том, что его рукоять достаточно длинна, чтобы ее можно было держать двумя руками, но в то же время и достаточно удобна, чтобы можно было удерживать меч одной рукой. Заточку имеет обоюдоострую, гарда с минимальной защитой руки.

Один из пяти великих евнухов, евнух, ведающий благовониями, несмотря на свой статус временно управлял храмом Хунлу. Когда-то один взмах его ледянящего меча, Фэнсюэ, мог привести весь мир боевых искусств в смятение. Когда-то его звали Шэнь Цзинчжоу. Теперь же он был евнухом Цзинь Сянем.

— Наставник, — тихонько позвал малыш*, заглянув в зал. Если присмотреться повнимательнее, то в нем можно узнать одного из двух мальчишек, что были в храме Дафаньинь, Бо Юна.

*Здесь нет ошибки, автор именно так назвал Бо Юна. Хотя по более раннему его появлению сложилось впечатление, что ему лет четырнадцать, что малышом можно назвать лишь с очень большой натяжкой.

— М? — подал голос евнух Цзинь Сянь, не открывая глаз.

— Прибыл евнух, ведающий книгами, Цзинь Юй*, — прошептал Бо Юн.

*У всех великих евнухов первый иероглиф Цзинь имеет одинаковое значение «драгоценность, прекрасный самоцвет». По-хорошему, надо бы писать их имена слитно...

Цзинь Сянь едва заметно кивнул и махнул рукой, давая знак Бо Юну выйти.

Тот быстро развернулся и чуть не наткнулся на стоявшего позади него высокого мужчину в пурпурном парадном халате, вышитом драконами*. Тот уважительно застыл перед дверьми, заложив руки за спину, и скучающе смотрел в небо.

*Пурпурный манпао или парадный халат, вышитый драконами. Вообще, байду говорит, что халат на самом деле вышит не драконами, а питонами, так как у драконов пять пальцев на лапах, а у этих только по четыре. Звучит, если честно, сомнительно, потому что, насколько известно, питонов вообще природа обделила не то что пальцами, но и лапами... В общем, манпао — формальная одежда придворных чиновников, начавшая свою историю примерно с династии Мин. Положение и поза «питона» никак не формализованы, поэтому могут от одежды к одежде различаться. Рулейт имеет крайне дебильный редактор, поэтому здесь без картинок. Приходите к нам на ваттпад, там нормально картинки добавляются в текст.

В отличие от остальных великих евнухов, евнух, ведающий книгами*, редко когда приходил с визитами, а если и приходил, то всегда вел себя очень отчужденно. Обычно он позволял ученику идти вперед доложить о его прибытии и лишь после этого ступал во двор, не допуская и малейшего несоблюдения этикета. В отличие от резкого и вспыльчивого евнуха, ведающего мечом, и скользкого и сообразительного евнуха, ведающего печатью, евнух, ведающий книгами, предпочитал сидеть в библиотеке и читать, чем создавал впечатление ученого-конфуцианца средних лет. И все-таки Бо Юну почему-то всегда очень нравился этот вежливо улыбающийся человек.

*Автор ошибся, и написал про евнуха, ведающего мечом, тогда как раньше речь шла о евнухе, ведающим книгами. Здесь эта ошибка исправлена переводчиком.

— Евнух, наставник просит вас пройти в зал, — почтительно склонил голову Бо Юн.

Евнух Цзинь Юй отвлекся от своих мыслей, кивнул и прошел мимо него к залу. Тогда-то Бо Юн и заметил сидящую у него на плече бабочку. Тотчас сердце его испуганно заколотилось. Не говоря уж об обычном человеке, чье малейшее движение способно спугнуть бабочку, тело человека, изучающего боевые искусства, излучает тяжелую резкую ци, так что бабочка не смогла бы и подлететь к нему. Что же за технику изучал евнух, ведающий книгами, что мог так скрыть свою ци? Пока Бо Юн ломал над этим голову, евнух Цзинь Юй уже неторопливо зашел в зал.

— Цзинь Юй, — евнух Цзинь Сянь открыл глаза. Пальцы его застыли на четках.

Цзинь Юй кивнул и сел на скамью.

Цзинь Сянь остался сидеть на молитвенном коврике.

— Какие ветра привели тебя ко мне? — спросил он с улыбкой.

— Не ветра, — покачал головой Цзинь Юй.

— А что же?

— Ветер, цветы, снег и луна, — тяжело вздохнул Цзинь Юй.

Зал погрузился в долгое молчание. Наконец его прервал такой же тяжелый вздох Цзинь Сяня.

— И впрямь, он вошел в тот город.

— Да. Стоило ему туда ступить, как шахматная партия началась. Мы тоже встанем на эту доску. И как шахматным фигурам нам пора сделать выбор, — Цзинь Юй взял со стола чашку чая.

— Остыл, — предупредил его Цзинь Сянь.

— Не страшно, — Цзинь Юй легонько стукнул по дну чашки, и тотчас из нее заструился пар. Подув, он сделал глоток.

— Если бы наставник узнал, что ты используешь технику Непрерывного Дыхания, чтобы вскипятить чай — непременно пришел бы в ярость, — хмыкнул Цзинь Сянь.

Цзинь Юй пропустил этот комментарий мимо ушей и поставил чашку на стол.

— Мы должны сделать выбор.

— Нет. Мы не можем. Три князя* правящей династии, четверо генералов, пятеро министров, несколько городов из мира боевых искусств и несколько крупных семей — все они сделают свой выбор. Но не пять великих евнухов императорского дворца. Тот, чье имя будет написано в свитке на мемориальной доске в зале Тайань, и станет нашим выбором.

*Речь именно о князьях, не принцах.

— Но я хочу выбрать, — холодно сказал Цзинь Юй, и каждое слово его набатом ударило сердце Цзинь Сяня.

— Цзинь Юй! Ты! — воскликнул он.

— Цзинь Юй правильно говорит. В свитке на мемориальной доске пока еще не вписано ничье имя! — гулкий низкий голос вдруг эхом разнесся по залу, и с фиолетовой вспышкой появился человек.

Большие глаза, густые черные брови и грозный вид даже тогда, когда он не злился.

То был евнух, ведающий мечом, Цзинь Вэй.

— Однако мы можем повлиять на то, чье имя будет вписано в свиток, — со смехом в зале появилась пухлая фигура. Лицо ее так и цвело улыбкой, но в глазах читался точный расчет.

Пришел евнух, ведающий печатью, Цзинь Янь*.

*Интересная деталь — его имя переводится дословно как «осторожный в речах».

— Три месяца назад ты созвал пятерых евнухов и сказал, что в храме Дафаньинь встретил того человека. Теперь мы получили вести, что он уже вступил в город Сюэюэ. Значит, в той партии, что мы считали почти завершенной и не представляющей никому угрозы, снова начнут движение фигуры. И если раньше мы были среди них, то теперь пришла пора нам стать теми, кто эти фигуры будет двигать.

— Теми, кто будет двигать фигуры? Цзинь Янь, ты слишком много о себе возомнил, — холодно хмыкнул Цзинь Сянь.

Но Цзинь Янь все так же улыбался.

— Когда ты был лишь юным дворцовым евнухом, смел ли когда-нибудь и представить, что когда-то станешь временно управляющим храмом Хунлу? Теперь у тебя есть высокая должность. Так почему ты не хочешь подняться еще выше и стать тем, кто своими руками выберет звезду?

— Своими руками выбирать звезду? — Цзинь Сянь усмехнулся, и тотчас ци меча окутала его тело, сотрясая зал.

— Как в детстве вы двое обожали ссориться, так и сейчас. Когда вы уже избавитесь от этой дурной привычки? — Цзинь Юй поднялся на ноги и поправил рукава. Тотчас давящая на всех ледяная ци меча рассеялась.

Цзинь Сянь равнодушно фыркнул.

— Пять великих евнухов действуют только по высочайшему повелению. С тех пор, как в детстве наставник взялся нас учить, говорил ли он хоть раз о таком величайшем преступлении*, как выбор своими руками звезды?

*Имеется в виду мятеж и измена.

— Но я говорил лишь о звезде. Было ли хоть слово об оспаривании сияния солнца и луны*? Цзинь Сянь, ты слишком остро все воспринимаешь, — Цзинь Янь замахал руками, пытаясь помириться.

*Так же может быть в значении государь и государыня.

Цзинь Вэй, что так и не сел, а стоял неподалеку, опираясь о меч, наконец подал голос.

— Цзинь Янь прав. Раньше мы конечно же дождались бы, пока Его Величество сделает выбор. Но сейчас тот человек снова появился, что очень сильно меняет дело. Пока об этом знаем только мы. Но стоило ему однажды войти в город Сюэюэ, как все больше и больше людей будут узнавать об изменившемся положении дел. Мы не можем ждать. Не поэтому ли ты загнал коня и за десять дней прибыл в Тяньци из страны Юйтянь?

Цзинь Сянь молча вздохнул.

Из самой глубины зала вдруг донесся низкий голос:

— Только за год несколько десятков конных и пеших покинули Тяньци. Знаете, куда они пошли?

Четверо великих евнухов потрясенно обернулись: кто смог так незаметно подкрасться к ним? Перед статуей Будды сидел седой мужчина средних лет в фиолетовом расшитом драконами халате и спокойно наблюдал за ними.

Четверо евнухов тотчас поспешили благоговейно преклонить колени и поклониться до земли.

— Старший евнух!

Хоть этот человек был лишь компаньоном по учебе и вырос вместе с императором, и не ведал ничем во дворце, но он был главой всех евнухов — старшим евнухом Цзинь Сюанем.

— Они по одному устремились в город Сюэюэ, город Ушуан, город Мулян, семью Лэй из Цзяннаня*, клан Тан из Шучжуна, известную всем своими товарами семью Вэнь из Линнаня, гору Цинчэн, гору Удань, храмы Шаолинь и Юньлинь. Даже добрались до Тяньвай Тянь в чужих краях и Аньхэ, которых найти казалось невозможно. Почти во всех крупных семьях и школах, связанных с миром боевых искусств, побывали посланники. И пока борьба в императорском дворце еще не стихла, в мире боевых искусств уже началась буря.

*Для простоты понимания можно провести аналогию с переводом Магистра. Есть клан Цзян, он располагается в Юньмэне. На выходе имеем Юньмэн Цзян. Здесь, по сути, автор пишет так же. Есть семья Лэй, находится в Цзяннане. Имеем Цзяннань Лэй. Также Шучжун Тан и Линнань Вэнь.

Четверо евнухов поднялись на ноги и теперь молча обменивались взглядами. Ответить никто ничего не мог, потому как они не понимали, к чему клонит старший евнух.

— Цзинь Янь, не ты ли только что говорил, что хочешь повлиять на то, что будет написано в свитке? — вдруг обратился к Цзинь Яню Цзинь Сюань.

Толстяк тотчас покрылся холодным потом и упал на колени.

— Старший евнух, Цзинь Янь говорил глупости...

— Не стоит так меня бояться, — отмахнулся от него Цзинь Сюань. — Все мы братья по учению. Но я с детства рос отдельно от вас, так что вы друг с другом куда ближе. Однако сейчас речь идет о вещах чрезвычайной важности, и между нами, пятью великими евнухами, не должно возникать размолвок. Ты верно говоришь. Мы определенно способны повлиять на то, чье имя впишут в этот свиток. Но нам это ни к чему.

— Ни к чему? — хором удивились остальные евнухи.

— Да, ни к чему. Потому что вписанное имя непременно будет выбрано нами! — громко заявил Цзинь Сюань.

Четверых евнухов бросило в холодный пот. Эта фраза наталкивала на множество мыслей, но все они вели к тому, что присутствующие в зале могли очень скоро поплатиться головами.

— Старший евнух, стоит ли тогда послать людей в Сюэюэ? — спросил Цзинь Юй. Из всех евнухов его меньше всего взволновали слова Цзинь Сюаня.

— Это тоже ни к чему. Те люди слишком торопятся. А все потому, что в глубине душ их гложет страх. Мы подождем здесь. Он вошел в город Сюэюэ, и игра началась. В тот день, что он придет в Тяньци, играть начнем и мы!